

Десятка лучших конкурсных стихотворений от члена Жюри 1-го тура Международного литературного конкурса "6-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2017".

ИМХО-КЛУБ

ТОП-10

члена Жюри 1-го тура
Международного литературного конкурса "6-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2017".

Внимание!

Имена авторов анонимных подборок будут оглашены 6 июня 2017 года в Итоговом протоколе конкурса.

[Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев \(Молдова\)](#)

Расчеловечение

1.

Иногда рабочих рук не хватает и там.

Тушу времени: шкуру, ошметки жил,
кости, мясо, внутренности – по сортам,
как положено, служащий разложил.
Кто-то давится, кто-то визжит: «Еда!»,
кто-то впрок, не жуя, набивает рот...

Что ты будешь обглаживать в день, когда
Он табличку на клетке твоей прочтёт?

2.

В человеческой клетке твоей, как везде, бедлам:
сквозь решетку заброшенный мусор, объедки – хлам,
переросший тебя самого. Ты на всех рычишь,
кто к нему приближается, злая от страха мышь –
это жизнь твоя, пепла и ветоши полведра.

Он глядит в глаза, и ты узнаёшь – пора.

3.

Надевают ошейник, и щелкает карабин.
Длинный сон поводка ненавязчив и невесом –
птичьи лапки по крыше и стук дождевых дробин
уговаривают – поработай немного псом.
Приучайся к свободе, разучивай по складам
немудрёные правила: место, барьер, ко мне,
потому что пугающее: «Аз воздам!» -
это просто ладонь на усталой твоей спине.
Скоро нитку отвяжут, и гелиевый прибор
понесёт тебя, Шарик воздушный, куда-то вспять
человеческому: любить – окружать собой...

Любить – вместо себя стать.

4.

Холоден и горяч,
не человек – трава,
лёгкий небесный мяч –
переступи-слова.

Под колокольный гуд
стражники – да не те –
бережно подведут
за руки к темноте,

и разомкнется свод,
грянет над головой —
под ноги упадёт
панцирь скудельный твой.
Вот ты дитя, потом —
просто детёныш, вот
белым бежишь мостом,
тыкаешься в живот,
падаешь и встаёшь —
ты и уже не ты —
выбравшись из мерёж,
сброшенных с высоты.

5.

Он берёт тебя за руку,
которой как будто нет,
поворачивает ладонью вверх,
дует на ранку —
и зажигает свет.

[Анастасия ВИНOKУРОВА, Нюрнберг \(Германия\)](#)

* * *

И не то чтобы не поётся — скорее не плачется.
Мимолётный соблазн промелькнул да и был таков.
А могла бы решить стать суровой асфальтоукладчицей
И всю жизнь защищать дороги от дураков.

Кто судьбу упустил — тот вовеки за ней не угонится.
Механизмы успеха безжалостны и просты.
А могла захотеть стать приветливой тихой садовницей
И в воронках от бомб день за днём разводить цветы.

Сотни брошенных тропок, и сотни ещё обнаружатся.
Если думать всерьёз — вряд ли выдержит голова.
Столько пользы могло бы быть, столько пронзительной нужности,
Но иду по земле — а за мной лишь слова, слова...

[Надя ДЕЛАЛАНД, Москва \(Россия\)](#)

* * *

Дали холодную воду, зеленый свет,
можно идти и пить из воздушных струй,
нет никакого горя и смерти нет,
лето еще, Успение, долгий труд
жизни земной превращается в неземной
отдых от всех грядущих и дней и дел,
милая Богородица, будь со мной,
спящая там, просыпающаяся здесь.

[Геннадий АКИМОВ, Курск \(Россия\)](#)

Имя. Романс с червоточинкой

Я имя позабыл и место не запомнил,
там хрупкая трава, тарковская вода,
и кашель, и романс притих, недоисполнен,
подсолнухи, перрон, глухая слобода.

Электропоезд пьян, страна слегка устала,
раздумья тяготят, коль совесть нечиста,
в вагончик с двух сторон внедряются каталы,
а дальше лязг колес и рельсы вдоль моста,

а дальше ни страны, ни денег. Поезд прибыл.
На ужин — протокол и вялая ботва.
Проматывая вдрызг несправедную прибыль,
гуляет по ларькам отвязная братва.

В какую из эпох случилось это лето,
кто ставил в паспорт штамп, куда пропал билет?
Козырный туз побил и выбросил валета,
в уплату отобрав цветущих двадцать лет.

И нужно ль протирать слезящиеся линзы
/там резкий свет в глаза, там окрик, будто плеть/,
чтоб вспомнить имя той, проигранной, отчизны,
где не было дано ни жить, ни умереть?

[Игорь ГОНОХОВ, Москва \(Россия\)](#)

Мизинец

За хлебом и водкой стоял в магазине,
а вышел — душе отдавили мизинец.

Подумал тогда, отдышавшись от боли:
да, кто это? Призрак невидимый что ли?

Кругом никого, как в просторах вселенной.
Но, чувствую, боль поднялась до колена.
Тут вспомнил, что в среду сваял дурака.
Ох, что-то заныло в районе пупка.

На грудь перешло, а потом и на плечи.
Нет... Денег не брал... Никого не калечил...
Нет... Не было в мыслях... Перцовой настойкой
(не вру) не поил Вельяминова Только...

И в печень не я его у гаража...
Не трогал, клянусь, не касался ножа...
О, Господи, как же болит голова!
Не резал, не крал, не завидовал, а-а-а!

Кишачий, как черви с головками черри,
мой бред и ломает и крошится в череп.
Не я это был и не я это не был.
Я вышел всего лишь за водкой и хлебом.

[Конкурсная подборка 324. "Разговоры с тишиной"](#)

Старые фотографии

1.

Лестница. Сумрак блеснул переглядом
двери двойной.

Кто эти двое, застывшие рядом
перед войной?

... женщина. письма, лежащие горкой.
прежняя жизнь.
кто-то за краем – перчатка, георгий,
шапка, кажись.

замер в окне ветерок-перезимок.
темь по углам.

Комнату делит разорванный снимок
напополам.

2.

Несколько слов конверточно.
Бархатки, вензеля.
Клёны сдают поветочно
Жёлтые кителя.

Воздух от пепла тесный.
Между стволов – зола.
Прочее – на небесный
Осень перевела.

3.

облака вдоль обители
разбрелись за края.
два лица в проявителе.
папа, мама и я.
сняты наспех, не жанрово.
ниже лиц – полоса.
молча каждому заново
закрываю глаза.

[Конкурсная подборка 234. "Состав из Ромашково"](#)

Истопник

Райбольница. Вечер изъеден молью.
Печь хрустит дровами. – Иных забот
истопник, «юродивый» дядя Коля,
не имеет вот уж который год.

«Был ракетчиком...»,
«Рано не стало дочки...» –
говорят... «Как за́пил, жена ушла...»
Он живёт – почти Диогеном в «бочке» –
без обид, что фишка не так легла.

Как всегда, одетый не по погоде,
он идёт за дровами в продрогший двор
и поёт – во всю ширину мелодий –
просто рад, что жив и в работе спор.
Сам, как облако – смято-одутловатый...

В небе – след самолёта, как чистый бинт.

На крыльце контингент из 6-ой палаты
разбавляет матом больничный спирт. —
Не по-чеховски.

Всем им — какое дело
до горящих дров у него внутри?
Говорят, стучалась к нему — ...вся в белом,
только он ей двери не отворил.

Татьяна ВИНОКУРОВА, Тверь (Россия)

* * *

Год пережив, ты годом пережёван.
Родными мертвецами арестован,
В цветком растресканное лобовое
Вглядеться, подъезжая к городку,
Где призраки на каждой остановке,
Где прошлое в привычной обстановке,
И с фурой на Лозовом водопое
Толкаться в очереди к роднику.

Пятилитровку набирают долго.
Причастье убивает чувство долга.
Себя закрывший в опустевшем доме,
В столице мини-жизни, мира вне,
Там, где вдоль леса торговали клюквой,
Колонки горло извергало буквы,
А нынче пот в натопленном салоне -
Душа, стекающая по спине.

Теперь метёт. А думалось, всё верно,
Когда машину уводило влево,
Что Бог простит любимым всякий промах
И от беды закроет их собой.
Соседний двор. Незаводимый опель.
В окне знакомом незнакомый профиль.
И мокрый снег в чернеющих проёмах
Зачёркивает всё двойной сплошной.

Конкурсная подборка 274.

Смерть в Марьиной Пойме

До Марьиной Поймы лет десять, как ходит поезд.
Давно не посёлок, ни разу не мегаполис,
Она принимает состав - отдаёт состав.
Обеденный выхлоп, обыденная работа.
Советская власть - в стенгазетах и анекдотах,
И мало кто знает, что ей не дожить до ста.

У Марьиной Поймы душа в полторы сажени.
И в центре её обретается баба Женя,
В которой по капле стекаются все пути.
И дело не только в её самогонном даре
Да в хитрой воде из промышленной речки Марьи,
А в том, что умеет любого в себе найти.

Старухина память - крапивного супа горечь.
Так нёбо терзало, что прежде ласкало голень,
Железная жатва по сёлам брела с мешком.
Деревня впадала в посёлок, посёлок в город.
Она ещё помнит, как жизни впадали в голод,
И люди ломались с коротким сухим смешком.

А нынче и слёзы - закваскою в мутной таре,
Когда и убийство - не вымыли, так взболтали.
Убитый - мужчина, поэт, тридцати пяти,
Пропитого роста, прокуренного сложения.
Никто б и не рыпнулся, если б не баба Женя,
Которая может любого в себе найти.

Невеста рвала своё платье, как зуб молочный,
Не слишком красива, но года на два моложе.
И что бы не жить до хотя б тридцати семи.
Поэт-распоэт, а не вякнешь, когда задушен.
Друзья говорили, что парень давно недужил
И, видно, не сдюжил грозящей ему семьи.

Убийцу искали, как праведника в Содоме.
На каждой странице маячил герой-садовник.
Летели наводки из каждого утюга.
На вялых поминках случился дешёвый вестерн:
Иваныч с двустволкой пошёл отпевать невесту -
Хрена ль новостройки, когда между глаз тайга.

Девичник был скромн: она, баба Женя, черти.
Сидели, ныряли в на четверть пустую четверть.
Слова поднимались на сахаре и дрожжах:
"Пойми, баба Женя, охота - всегда загонна.

Потом догоняешь, хватаешь его за горло
И вдруг понимаешь: иначе - не удержать."

Она отсидела. И вышла. И вышла замуж.
Его напечатали, крупным, не самым-самым.
К нему на погост ежемесячно, как в собес,
Духовнее нищего, плачущего блаженной,
Ходила его не читавшая баба Женя,
Которая может любого найти в себе.

Негромкие строки рождались, росли, старели.
Темнел змеевик, и по медной спирали время
Текло, проверяя на крепость сварные швы.
Я был там проездом. Где Волга впадает в Темзу.
Из Марьиной Поймы никто не уехал тем же -
Всё лучше, чем если б никто не ушёл живым.

[Конкурсная подборка 281.](#)

* * *

Помню, тискал Таню Марченко,
рос у мамы молодцом,
был мальком, пиратом, зайчиком,
пил стеклянную с отцом.

Земляничным мылом вымыли,
спеленали – ну, пошел!
Сорок пробило с полтиною,
огляделся – хорошо.

Из окна любуюсь сталинкой,
благодарен МЦК.
Я работаю охранником
в центре «Виза на века».

Кто – корпит над рифмой дрянненькой,
Кто – полез на табурет.
Я работаю охранником.
У меня обиды нет.

Крепко сбитый, в куб сколоченный,
неоформленный в раю.
Титры кончились. Уплочено.

Я за пенсией стою.

ИМХО-КЛУБ .

ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНЫ